

О.Э. Мандельштам — читатель

На стекла вечности уже легло

Мое дыхание, мое тепло.

О.Э. Мандельштам, 1909

По сохранившимся воспоминаниям об О.Э. Мандельштаме трудно решить, чему он научился раньше — читать нотные или книжные страницы. Автобиографическая проза "Шум времени", "Египетская марка" ... позволяет допустить, что он овладел той и другой грамотой примерно в пятилетнем возрасте. Хорошо помнил старые "Лейпцигско-тюбингенские издания Шиллера, Гете, Кернера, Шекспира "по-немецки".

На домашних полках выше других книг стоял Пушкин в издании Исакова 1876 года.

"Я до сих пор думаю, что это прекрасное издание, оно мне нравится больше академического... Цвет Пушкина? Всякий цвет случаен... У Лермонтова переплет был зелено-голубой и какой-то военный, недаром он был гусар. Никогда он не казался мне братом или родственником Пушкина. А вот Гете и Шиллера я считал близнецами...

А что такое Тургенев и Достоевский? ...На Достоевском лежал запрет... Тургенев был разрешенный и открытый с... "Вешними водами". В книге С.Я. Надсона видел конец эпохи, в которой жил Семен Яковлевич, считал "надсоновщину" загадкой русской культуры... непонятным ее звуком". Позднее понять поэта и его поколение Осипу Эмильевичу помогли письма и дневники Надсона.

Мать поэта Флора Осиповна Вербловская — великолепная пианистка и замечательная учительница музыки — много внимания уделяла интеллектуальному развитию детей, и особенно музыкальному. Очевидно, присутствующее Осипу Эмильевичу звуковое восприятие мира — ее особый дар первенцу.

В 1900 г. стал учеником Тенишевского училища, тогда одного из лучших в стране. В 1905 г. юный тенишевец прочел несколько работ А.И. Герцена. Потом писал, что политические мысли Александра Ивановича звучат как Бетховенская соната.

В 1914 г., словно продолжая раздумья, опубликовал благодарственную "Оду Бетховену":

С кем можно глубже и полнее
Всю чашу нежности испить?
Кто может ярче пламеня,
Уменье воли освятить?

В училище преподавал словесность талантливый учитель В.В. Гиппиус. На всю последующую жизнь Осип Эмильевич сохранил негаснущее восхищение им. Считал, что именно у Владимира Васильевича научился воспринимать литературу и музыку разных веков, как современник.

По окончании уехал в Париж, где записался на факультет словесности Сорбонского университета. Не пропустив ни одной, затаив дыхание, слушал блистательные лекции Анри Бергсона об интеллекте, памяти, интуиции, сознании. Одновременно читал Франсуа Вийона, Шарля Бодлера, Поля Верлена...

В письме Гиппиусу от 14 апреля 1908 рассказывал: "...Я прошел 15 лет через очистительный огонь Ибсена... Толстой и Гауптман — два величайших апостола любви к людям — воспринимались горячо, но отвлеченно...

Мое религиозное сознание никогда не поднималось выше Кнута Гамсуна... поклонение "Пану, то есть неосознанному Богу, и поныне является моей "религией"... В Париже я прочел Розанова и очень полюбил его... Я не имею определенных чувств к обществу, Богу, но тем не менее, люблю жизнь... Отсюда — понятно мое увлечение музыкой жизни, которую я нашел у некоторых французских поэтов и Брюсова... Не занимаюсь почти ничем, кроме поэзии и музыки". В том письме добавил, что написал о Верлене, Роденбахе и собирается писать о Гамсуне и Сологубе.

П. Верлен, о котором Осип Эмильевич упоминает также в статье "Франсуа Виллон", представлялся ему "Астрономическим чудом".

Что до Ж. Роденбаха, то О. Манделъштама привлекали лишь художественные особенности его стихотворений и романов, но не религиозные воззрения. В том же году появились строки:

В непринужденности творящего обмена
Суровость Тютчева — с ребячеством Верлена —
Скажите — кто бы мог искусно сочетать,
Соединению придав свою печать?

В 1915 году, перечитывая Г. Флобера и Э. Золя, писал:

О, спутник вечного романа,
Аббат Флобера и Золя —
От зноя рыжая сутана
И шляпы круглые поля.

В.Ф. Ходасевич в статье "О. Мандельштам. "Tristia" стихи 1922" отмечал "поэтический дар, ум и образованность" поэта. Сам Осип Эмильевич был убежден, что основа образованности человека в понимании музыки Глюка, Моцарта...

О трехтомнике Палласа "Путешествие по разным провинциям Российского государства" писал: "Кто не любит Генделя, Глюка, Моцарта, тот ни черта не понимает в Палласе. Вот уж книга не для длинных ушей". В книге "Музыка и ее тайное влияние в течение веков" (Лондон, 1951) Сирилл Скотт аналогично подчеркнул, сколь велико духовное воздействие ораторий, опер и секвенций Генделя, Глюка на человечество.

Читателем Мандельштам был уникальным. Поражает как количество, так и подборка прочитанного. При чтении у него неизменно возникало очень активное отношение к книге; всегда свое неожиданное мнение о ней. Был уверен: "Из всего материального... книга предмет, внушающий человеку наибольшее доверие".

Юноша-поэт привлекал собеседника искренностью чувств и обширностью знаний. А. Корин (2002 г.) приводит запись из дневника С.П. Каблукова от 18.08.1910 г.: "...я полюбил его (Мандельштама) за чуткость и тонкость переживаний и вполне соглашусь с его суждениями об Анненском и Маларме как о великих поэтах, о Бальмонте... о значении Баратынского и Дельвига... Осип много читал мне стихов своих и Брюсова, и В. Иванова...".

Мандельштам считал, что "Происхождение видов" Ч. Дарвина не соната, не симфония, а скорее сюита. Ознакомившись с "Системой природы" К. Линнея и 30-ю (!) томами "Естественной истории" Ж. Бюффона, записал: "Линней, Бюффон и Паллас окрасили мою зрелость... Я заключил перемирие с Дарвином и поставил его на полку с Диккенсом. Нельзя не пленяться добродушием Дарвина. Он непреднамеренный юморист". И продолжал, словно речь о музыкальном произведении: "Ламарк слышит паузы и синкопы эволюционного ряда. Он выплакал глаза в лупу. Его слепота равна глухоте Бетховена". В истинной науке Осип Эмильевич

ощущал поэзию, а отделить ее от музыки был просто не в состоянии (Р. Пшибыльский, 1977).

Поэтические строки Мандельштама "Домби и сын" появились еще в 1913 г.:

У Чарльза Диккенса спросите,
Что было в Лондоне тогда:
Контора Домби в старом Сити
И Темзы желтая вода...

В 1912 г. К. Мочульский обучал Осипа греческому языку, потом вспоминал: "...он превращал грамматику в поэзию и утверждал, что Гомер — чем непонятнее, тем прекраснее. Мандельштам не выучил греческого, но отгадал его". А прочитав стихотворение "Нашедший подкову" (с подзаголовком "Пиндарический отрывок"), Мочульский отметил, что эти стихи Мандельштама (1923) "...вызывают изумление, слова звучат странной, непривычной музыкой. Кажется, что написаны они на чужом языке, древнем и торжественном, как язык Пиндара". (Пиндар — древнегреческий поэт, автор торжественных хоровых песнопений.)

В 1922 г. в статье "Заметки о поэзии" Осип Эмильевич подчеркнул несовпадение "поэтической грамотности... с грамотностью обычной... даже с литературной начитанностью", и считал, что критикам не следует произвольно разьяснять поэзию, они должны исходить из объективного исследования, определяемого наукой о поэзии.

В том же году в эссе "Конец романа" заметил, что "греческая повесть "Дафнис и Хлоя" считается первым европейским романом — его движущая сила в заинтересованности читателя. В последующем длительное время "форма романа совершенствовалась и крепла как искусство интересовывать судьбой отдельных лиц". При этом, как считал Мандельштам, крепла и фабула, и психологическая мотивировка событий. Флобер и Гонкуры называются в статье романистами-психологами, они "за счет фабулы уделяли все внимание психологическому обоснованию и блестяще справились с этой задачей". Если поначалу героями романа были незаурядные, одаренные люди, то "на склоне европейского романа" его заменило "общество, как, например, у Бальзака или Золя".

Примером последнего биографического европейского романа "его "лебединой песней" Осип Эмильевич называет "Жана Кристофа" Романа Ролана. Заклучая, считает, что современный ему роман (двадцатые годы XX столетия) лишился и фабулы, и психологии, которая "не обосновывает уже никаких действий".

Естественно, читал современных ему соотечественников. Незабываемые поэтические строки Осипа Эмильевича посвящены А.А. Ахматовой, Н. Гумилеву, М.И. Цветаевой, Лозинскому, другим.

К.И. Чуковский в 1928 г. о своем "Некрасове" записал отзыв Мандельштама: "...герой, подлинный, страдающий и любимый... которого не сужу, как судят героев романисты нашей эпохи".

Оказавшись в Армении (1930 г.) в Государственной библиотеке А. Фирдоуси, получил стопку синих томиков числом, "кажется, восемь" (это было французское издание Моля). На следующий день Осип Эмильевич записал: "В персидской поэзии дуют подарочные ветры из Китая", — и добавил, что эта поэзия еще тысячелетиями станет одаривать, кого пожелает, своей красотой.

Чтение предпочитал на языке оригинала. Перечитывал на французском "Творческую эволюцию" А. Бергсона, в 1927 г. порадовался тому, что автор был удостоен Нобелевской премии. В статье "О природе явлений" коснулся и взглядов Бергсона о системе явлений.

Многokrатно возвращался к Гете, нередко цитируя его. На полке любимых книг стоял томик "Гимны в ночи" Новалиса (псевдоним Фридриха Харденберга). Стихотворение, написанное восьмого августа 1932 г., назвал именем поэта Христиана Клейста с эпиграфом:

Freund! Versaume nicht zu leben

Den die Jahre fliehen

.....

Eward Christian Kleist

Есть между нами похвала без лести,
И дружба есть в упор без фарисейства,
Поучимся ж серьезности и чести
У стихотворца Христиана Клейста...

В статье "О природе слова" Мандельштам указал, что если Пушкин (и все его поколение) прочли и "преодолели Шенье", то поколение В.Ф. Одоевского знало Ф. Шеллинга, Э. Гофмана и Новалиса. Известно, что и сам Осип Эмильевич ценил тонкую иронию и причудливую фантазию Эрнста Гофмана, его роман "Житейские воззрения Кота Мурра".

В "Заметках о Шенье" — обратил внимание на принадлежность Шенье "к поколению французских поэтов, для которых синтаксис был золотой клеткой...". Ту клетку, как считал, построил Ж. Расин. "Синтаксическая свобода поэтов Средневековья: Виллона, Рабле... осталась позади, а романтическое буйство Шатобриана и Ламартина еще не начиналось".

Мандельштаму было за 40, когда он решил перечесть Данте и, в первую очередь, "Божественную комедию" в оригинале. Специально выучил итальянский язык, поразился при этом числу рифмующихся в нем слов. Осип Эмильевич всегда ощущал мелодичность и интонационную свободу стихов К.Н. Батюшкова; называл его "записной книжкой нерожденного Пушкина" ("Черновые наброски к "Разговору о Данте"). В июне 1932 г. писал:

Словно гуляка с волшебною тростью,
Батюшков нежный со мною живет.

И пояснил, что не только оттого, что

— Ни у кого — этих звуков изгибы...

— И никогда — этот говор валов...

а потому, что Константин Николаевич был еще и "оплакавшим" другого великого итальянского поэта — Тассо Торквато (1544-1595 гг.).

Возможно, учитывая отношение А.С. Пушкина к Ариосто (1474-1533), перечитал найденные его сочинения, в том числе поэму "Неистовый Орланд", а 4-5 мая 1933 г. выплеснулось стихотворение "Ариост".

Во всей Италии приятнейший, умнейший,
Любезный Ариост немножечко охрип

.....

На языке цикад пленительная смесь

Из грусти Пушкинской и средиземной спеси —

Он завирается, с Орландом куролеся...

В тех же "Черновых набросках..." Мандельштам отметил, что Пушкин был "втянут в гармоническую сферу Ариоста и Тасса" и, как и великие итальянские поэты (имея в виду Данте, Ариоста и Тассо), считал поэзию роскошью, "но роскошью насущно необходимой".

Увлечшись, перевел и три сонета Ф. Петрарки (1304-1374) о беге времени из "Книги песен".

"Разговор о Данте" Осип Эмильевич написал во второй половине мая 1933 года. В "Божественной комедии" он усматривал вершину итальянской речи и одну из стартовых площадок всей европейской культуры.

Данте создавал свое произведение в трудное время изгнания — с 1307 по 1321 годы, назвал его "Комедия". Тогда так обозначали все сочинения с благополучным концом. Лишь восхищенный Д. Боккаччо в монографии "Жизнь Данте Алигьери" (1360 г.) употребил эпитет "Божественная", и под этим именем поэма известна на многих языках все последующие столетия. Хотя во времена Данте поэты слагали стихи на латыни, он еще с юности писал на итальянском, на языке общения своего народа.

Уже в начале "Разговора..." есть предупреждение: чтение Данта "бесконечный труд, по мере успехов отдаляющий нас от цели" (Цель за горизонтом?!). Да и сам Данте не скрывает: чтение поэмы требует образованности, поэтому учитель для него моложе ученика, так как быстрее свершает бег по ее терцинам. Все-таки Мандельштам словно успокаивает: "Divina Comedia" не столько отнимает у читателя время, сколько наращивает его подобно исполняемой музыкальной вещи". И поясняет, отчего темой "Разговора..." избран Дант: "...он самый большой и неоспоримый хозяин... поэтической материи, самый ранний и, в то же время, самый сильный... дирижер поэтической композиции".

Но если Данте "самый, самый", то почему он путешествует в сопровождении Вергилия? Узнаем: Вергилий предотвращает неловкости, которые допускает Данте — разночинец 14-го века, "корректирует и направляет течение" событий.

Осип Эмильевич называет Вергилия "повивальной бабкой", а Беатриче (Б. Портгинари, 1266-1290 гг.) "вдохновительницей" "Божественной комедии".

В "Разговоре..." показана автобиографичность поэмы — в ее строках о корабельной корме тоска по Флоренции, из которой великий автор "Божественной комедии" был изгнан. "Если бы мы научились слышать Данта, нам стали бы понятны многие его предугаданья. Они осуществились в последующие века". В их числе создание ряда музыкальных инструментов, необходимых для оркестра, да и сам симфонический оркестр, и даже палочка для его дирижера предсказаны Данте".

Мандельштам воспринимал песни, из которых состоит "Божественная комедия", как "партитуры особого... оркестра, в которых... арии и ариозо... достигшие драматической зрелости, как, например, "кантилена Франчески". Известно, что в 1904 г. она реализовалась в опере "Франческа да Римини" С.В. Рахманинова на сюжет одного из эпизодов поэмы Данте.

Осип Эмильевич указал, что нелегко читать песни поэмы, не "оборачиваясь к современности". Они — "снаряды для уловления будущего".

Как положено исследователю, Мандельштам, заключая "Разговор...", сформулировал задачу следующих изысканий: рассмотреть "соподчиненности порыва и текста" в поэме великого Данте.

В Воронеже более года Осип Эмильевич почти ежедневно общался со ссыльным С.Б. Рудаковым. Обсуждали собственные рукописи, вопросы филологии, критики.

В июне 1936 г. С. Рудаков, собираясь покинуть Воронеж в связи

с окончанием срока своей ссылки, испросил у Манделъштама разрешения скопировать рукопись "Разговора...". Тем самым спас ее от уничтожения во время последнего ареста поэта (А. Корин, 2002).

После публикации "Разговора о Данте" в рецензии на произведение М.Л. Баткин (1973) писал, что в мировой литературе о "Божественной комедии" ничего подобного написанному Манделъштамом не было и нет.

Отдельные письма поэта, сохранившиеся за годы ссылки, отражают его продолжающиеся размышления о словообразовании в русском языке.

Еще в 1932 г. поэт обратил внимание на то, что "слово размножается не гласными, а согласными... Свои мысли он иллюстрировал, перечисляя поэтов, обогативших русский язык, начиная с Тредьяковского и завершая Пастернаком и Хлебниковым.

В декабре 1936 ссыльный поэт, ряд лет не публиковавшийся, писал Н.С. Тихонову: "...Посылаю Вам две новых пьесы. Одна из них "Кашеев кот". В этой вещи я очень скромными средствами при помощи буквы "ща" и еще кое-чего сделал материально кусок золота. Язык русский на чудеса способен: лишь бы стих ему повиновался, учился у него и смело с ним боролся...".

Если письмо Тихонову никаких последствий не имело, то В.П. Ставский в ответ на письмо поэта (март 1938) с новыми стихами обратился к Н.И. Ежову с просьбой "решить вопрос о Манделъштаме".

2 мая 1938 г. Осип Эмильевич Манделъштам по приказу Н.И. Ежова был арестован.

На первом же допросе он не только подтвердил, что является автором контрреволюционных стихов, но еще и продиктовал неизвестные следователю опасные свои строки.

В декабре в лагере начался сыпной тиф. Заболел и Манделъштам. В одной камере с ним с ноября 1938 г. оказался Ю.И. Моисеенко, тоже бывший тенишевец. Он вспоминал: "...Такой он был хилый, беспомощный, и вдруг такой духовно сильный, такое мужество! За все время ни разу не пожаловался. Ни разу! Только на вопрос соседа о самочувствии отвечал: "Слабею". (Э. Поляновский, 1992). 27 декабря 1938 г., когда по приказу всех вывели в баню, Осип Эмильевич упал и мгновенно умер.

Те, кто запомнил Манделъштама по камере, потом говорили, что он был молчалив, неизменно вежлив, на редкие просьбы почитать стихи порой произносил строки Пушкина. "Единственный раз, отвечая Юрию Илларионовичу на вопрос: "За что?", тихо проговорил: "Мы живем, под со-

бою не чуя страны". Кто-то из сокамерников видел, что иной раз писал на сложенном в тугие маленькие (с ноготь) квадратики обрывке бумаги. Что? Уже не узнать. Возможно, даже теперь не все из созданного им опубликовано. Семь десятилетий отделяют нас от гибели О. Мандельштама, выдающегося Читателя. Неисчерпаемая образованность, яркое, не имеющее аналогов восприятие прочитанного, изложенное в сохранившейся части его многогранного литературного наследия, останутся во Времени как свидетельство высочайшего служения Книге, Познанию, Языку, Людям.

Арад, Израиль

